Дорога волка

Автор:
Ричард Ламберт

Дорога волка

Ричард Ламберт

Лучшее фэнтези для детей

Когда четырнадцатилетний Лукас выживает в автокатастрофе, в которой погибли его родители, он понимает, что волк, стоявший прямо на дороге, и есть причина аварии. И этот волк, кажется, теперь преследует и его самого. Но почему?

Дорога волка – это история о преодолениях и потерях, об упорстве и силе духа. Одновременно захватывающий триллер и реалистичное исследование горя, выходящие за рамки обычного фэнтези.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Ричард Ламберт

Дорога волка

© Кудрявцев Д., перевод, 2021

© Кривогина А., иллюстрации, 2021

© Издательство АСТ, 2021

Часть I

Глава 1. Конец всему

Дорога бежала через летние поля, и мы мчались по ней, как дикие животные. Дорожная пыль щекотала мне горло, а лобовое стекло, когда в него светило солнце, казалось туманно-белым. Кипрей на обочинах был уже дымчатым, а ежевика выглядела спелой, такой же спелой и сладкой, как та, которую папа любил собирать по вечерам. Мама тихо подпевала радио, пока папа нёс нас по изгибам сомерсетских дорог.

– О, обожаю её, – сказала мама, увеличивая громкость, когда заиграла новая песня. – Мы как-то раз были на их концерте.

– И как они, хороши? – спросил я, наклоняясь между их кресел.

– Они были прекрасны.

– Они были неплохи, – сказал папа, явно подкалывая маму, – не прекрасны.

Мама не повелась на провокацию, только посмотрела на меня и закатила глаза. Я засмеялся и откинулся обратно. Была суббота, и мы ехали в город: мама и папа чтобы присмотреть плитку для кухни, а я – чтобы встретиться с Митешем. Мамино лицо появилось из-за подголовника. Тихим голосом – но специально недостаточно тихим, чтобы папа не услышал, – она сказала: «они были прекрасны» и подмигнула. Мы прошли поворот, прядь волос качнулась около маминой щеки. Я кинул взгляд дальше на дорогу: посреди полосы стоял пёс. Папа резко затормозил. Мамино лицо исчезло. Меня рвануло вперёд. Нас повернуло, занесло, меня бросило в сторону. Папа закричал от страха. Моя голова столкнулась с окном. Другое окно разлетелось. Ветки ворвались в салон. Приблизился потолок машины с сотнями дырочек в его серой ткани. Меня с чудовищной силой вдавило в сиденье, подбросило, перевернуло и снова рвануло вниз – треск.

Всё затихло.

Я лежал на полу машины. Но теперь пол – это дверь, а надо мной в разбитое окно влез зелёный куст. Пахло жжёной резиной и, как ни странно, духами.

Безвольно покачиваясь на своём ремне безопасности, надо мной висела мама. К её щеке прилипли волосы. Кровь капала изо рта на водительское сиденье. На папу.

Папа не двигался. Он распластался на водительском окне, его голова была неестественно повёрнута.

Высвободившаяся ветка хлестнула потолок. Когда я пошевелился, на моё лицо посыпалось стекло. Я был покрыт белыми кристаллами.

– Мама?

Ни звука. Только капли падают с маминого лица на папино.

– Папа?

Он не ответил.

Заднее стекло было разбито. Я отстегнул свой ремень и выполз наружу. Я оказался в прохладной тени закрывшего солнце облака, но потом оно ускользнуло. Я был на насыпи. Я сполз вниз. Запах жжёной резины усилился, но теперь пахло ещё и бензином. Запах наполнил мой рот, и я хотел смыть его с языка.

Собака стояла посреди дороги. Она была цвета дыма или вечерних сумерек, когда весь свет исчез из мира и уже почти наступила ночь. Только глаза были оранжево-коричневыми, с крошечными чёрными зрачками. Похоже, она плохо меня видела, хотя и смотрела прямо на меня. Она смотрела на меня, может быть, как солдат, который вот-вот пойдёт в бой. Она стояла совершенно неподвижно. Длинноногая, с лапами размером с боксёрский кулак. Её грудь была широкой, шерсть растрёпанной, а плечи костлявыми. Внезапно она опустила голову, будто бы готовясь напасть.

Я вскарабкался на насыпь. В то же время краем глаза я видел, как животное сорвалось с места. Не в мою сторону, но всё же. Оно как будто плыло через дорогу. Оно проплыло вверх по противоположной насыпи и исчезло в кустах, и осталась только пустая загородная дорога с выжженными на ней суровыми следами шин.

Только когда начали петь птицы, я понял, что всё это время вокруг было тихо.

Сопровождаемый пением, из-за угла появился белый микроавтобус. Он затормозил и остановился. Сначала ничего не происходило, потом его двери распахнулись и из них выпрыгнули мужчины. Все с пивными животами, одетые в крикетную форму. Бородатые и усатые, все старше папы, все засуетились вокруг.

* * *

После того, как крикетчики не дали мне вернуться к нашей машине, после того, как приехала пожарная машина, после того, как меня увезли в не имевшей окон скорой, освещённой уродливым жёлтым светом, после того, как врач менял тему каждый раз, как я спрашивал про маму и папу, после того, как я долго прождал врача в отделении неотложной помощи, после того, как меня разложили на холодном столе, чтобы сделать рентген, после того, как доктор отказался отвечать на мои вопросы про маму и папу, после того, как я начал кричать на него и на других, после того, как я попытался уйти, после того, как мне вкололи тёмную жидкость, я провалился в сон. Это был странный сон. Даже не сон, а чернота.

Когда я проснулся, было темно. На кровати, где я лежал, тонкие простыни были заправлены так, что я еле мог двигаться. Я лежал на боку. Здесь стояли и другие кровати, белые силуэты, плавающие во тьме, и слышалось дыхание других спящих подростков и детей. В одном конце были окна без занавесок. Палата, похоже, находилась высоко, потому что в окнах виднелось небо. Только небо. Стояла ночь, очень далеко висела маленькая луна.

Я не мог в это поверить – я спал с середины дня. Как я мог, когда я был нужен моим родителям? Что бы доктор мне ни вколол, это оказалось что-то сильное, настолько сильное, что я не мог окончательно проснуться, и странная чернота не уходила. Я чувствовал её на краю сознания и знал, что в любой момент она

может вернуться. Я должен был срочно найти маму и папу. Я должен был узнать, куда их дели доктора. Я попытался подняться, но простыни были слишком тугими, и когда я повернулся, чтобы ослабить их, то замер от неожиданности.

У другой стороны моей кровати стояла женщина.

Она стояла очень неподвижно и смотрела на меня. Серьёзная одежда и седые волосы делали её похожей на врача. Но она была такой неподвижной, что я задумался: не может ли она быть кем-то ещё? Лунатик, потерявшийся посетитель, сумасшедшая? Я решил, что она, должно быть, врач. Я спросил её, где мама и папа. Прежде, чем она могла ответить, и прежде, чем я мог повторить вопрос, чернота вернулась.

* * *

Когда я окончательно проснулся, было утро и палата наполнилась шумом. Меня всё ещё мутило. Команда санитаров клацала стальными крышками на большой тележке из нержавеющей стали, от которой шёл пар. Примерно за десять секунд они раздали всей палате завтрак и укатили. Две медсестры переходили от кровати к кровати, толкая тележку с лекарствами. Они скармливали таблетки в маленьких бумажных стаканчиках недовольным детям. Уборщица протирала пол, напевая на языке, которого я не знал.

– Где мои мама и папа? – прохрипел я медсёстрам, которые стояли около соседней кровати. Когда они ушли, я окликнул их. – Где мама и папа?

Я пинком сбросил заправленные простыни и встал. На мгновение у меня в глазах покраснело, и мне пришлось переждать слепоту, а потом я бросился за сёстрами. Я был в больничной рубашке, разрезанной сзади. Я не помнил, чтобы её надевал. Это значило, что кто-то раздел меня, пока я спал.

– Пожалуйста, – сказала уборщица с восточноевропейским акцентом, преграждая мне дорогу. – Ты скользит на мой пол. Вернись свой кровать.

– Я должен узнать, что случилось с моими родителями. Что случилось с моими родителями?

– Я не знаю. Откуда мне знать? Вернись свой кровать.

Она загородила мне путь своей шваброй.

Я обошёл её. Я бросился к дверям палаты. Когда я был уже близко, они открылись, и ко мне поспешила вчерашняя серьёзная седоволосая женщина. Врач в белом халате за её спиной кричал: «Стойте!»

– Где мама и папа?

– Лукас, – сказала она слабым, уставшим голосом. – Лукас.

– Что случилось с мамой и папой? Где они?

– Пожалуйста, – подоспел тяжело дышащий врач, – Вам нельзя здесь находиться.

– Что случилось с моими родителями? Я хочу знать, что случилось с моими родителями! – я был в панике, мой голос становился напряжённее и громче. – Где мама и папа?

Женщина с седыми волосами коснулась моей руки, и меня тряхнуло. В ней было что-то знакомое. Она была вчерашним доктором, но знакомым было не это: она напоминала мне маму.

Тихо, как будто ей трудно произносить слова, как будто они были грубыми предметами, которые она вынимала из своего нутра, сказала:

– Они мертвы.

У неё были серые глаза со множеством чёрных точек.

– Мне жаль, Лукас, – сказала она.

– Вам принести воды? – спросил врач.

Женщина отвела меня обратно в кровать. Моим ступням было холодно на свежепротёртом полу. Она села рядом со мной и положила свою загорелую руку мне на предплечье. На ней были часы с красным ремешком из потёртой кожи. Секундная стрелка двигалась по кругу, и было странно, что она продолжала двигаться. Как она могла, когда мама и папа остановились, просто остановились?

– Я оставлю тебя с твоей бабушкой, – сказал врач. – Если что-то понадобится – зайдите ко мне.

Мне потребовалось немного времени, чтобы переварить его слова.

Я повернулся к ней.

На ней были вязаная жилетка и рубашка с коротким рукавом. Один край воротника был заправлен под вырез жилетки, второй торчал наружу. Её короткие седые волосы были жёсткими. Её кожа была бледной, как у мамы. Её лицо было широким. Её маленький рот выглядел печальным. Она выглядела вымотанной.

– Ты помнишь меня? – спросила она.

Я говорил с ней по телефону каждое Рождество, но виделись мы лишь дважды.

Бабушка.

* * *

По коридору мы шли не рядом. Расстояние между нами увеличивалось, когда мы пропускали престарелых пациентов на колясках и идущих навстречу посетителей. Меня удивляло, что все они выглядели… не то, чтобы счастливыми, но какими-то бодрыми. Санитар катил на кровати-каталке старую женщину, настолько хрупкую и невесомую, что голова её, казалось, вообще не продавливала подушку. Старуха смотрела в потолок, к её ноздрям были приклеены трубки.

Автоматические двери раздвинулись, и мы вышли в тёплый сентябрьский день.

– Подожди тут. Я схожу за машиной.

До того момента будущего для меня словно не существовало. Мой мозг будто бы завис. Я не мог принять отсутствие мамы и папы. Факт не встраивался в мир. Мир не подходил факту. Мир стал бессмыслицей. Почему во двор въезжали скорые? Почему день был тёплым? Почему крутились гигантские вентиляторы на стене здания? Почему облака двигались по небу? Казалось невозможным, что они просто делают то же, что и всегда.

А я не мог думать ни о чём другом: мама и папа умерли.

Во двор въехала бабушка на маленькой красной машине и направилась ко мне. И я снова услышал треск, скрип металла и хруст пластика. В лобовом стекле отразилась стена госпиталя, бабушка остановилась, и я вспомнил, как тот странный пёс стоял посреди дороги, как смотрел на меня своими янтарными глазами с чёрными зрачками, как он, должно быть, стоял там во время аварии, потому что когда я выполз из машины, он так и стоял посреди дороги.

Бабушка вышла. В дневном свете она выглядела больной, её бледная кожа была почти серой. Щурясь от солнца и прикрывая глаза рукой, она сказала:

– Поехали домой.

Я не ответил. Внезапно, стоя рядом с безжалостным капотом машины, я ощутил ужас.

– Я не могу, – сказал я, умоляюще глядя на бабушку.

Выражение бабушкиного лица не изменилось.

– У меня нет на это сил, Лукас, – сказала она устало и вернулась в машину.

Вентиляторы на стене госпиталя гудели. Пассажирская дверь открылась.

Я не двигался. Я не мог.

Скорая, мигающая синими огнями, встала за бабушкиной машиной. Ручка двери блестела. Водитель скорой погудел и помахал мне, поторапливая.

У меня в груди что-то сжалось, но я шагнул вперёд и потянул широкую дверь. Садясь в машину, я отчётливо видел руль, огоньки на приборной панели, резиновый коврик. Они меня пугали. Бабушка повернулась ко мне, пока я вытягивал ремень безопасности. Её густые брови были похожи на мамины.

– Нормально? – спросила она уставшим голосом. Её дыхание пахло кофе и ещё чем-то кислым.

Я не ответил.

– Боже, ну и местечко, – сказала она, бросая взгляд на госпиталь.

Потом она повернула ключ, включила передачу и, выруливая, посмотрела через плечо назад. Бабушка давила на педали круглоносыми мартенсами[1 - Ботинки марки Dr.Martens – высокие, шнурованные, на толстой рифленой подошве.], а я цеплялся за дверь. Мой желудок сжало.

Глава 2. Камень

Бабушка несла прозрачный целлофановый пакет, вроде тех, с которыми проходят досмотр в аэропорту. В нём были мамины сумочка, блокнот и ожерелье, папины кошелёк и перочинный ножик, и их обручальные кольца, телефоны и ключи. Она достала папины ключи и направилась к двери, и прежде, чем я успел сказать ей, что это не её дом, она открыла дверь и зашла. Я усилием воли заставил себя промолчать и прошёл за ней.

Она не сняла обувь, но уже была на кухне. Я стянул кроссовки в прихожей. Мне было противно смотреть, как она бросила папины ключи на кухонный стол, будто свои собственные. Они звякнули. Поставила пакет и прошла мимо меня в нижнюю уборную. Мне было противно, что она воспользовалась ею без спросу. Я смотрел на окровавленные папины ключи на кухонном столе. Я не хотел смывать кровь. Это было неправильно. Неуважительно. Как будто того, что случилось, не

случилось.

Это случилось.

На стойке стояла миска с ежевикой, которую папа собрал на другом краю поля. Он собирался сделать ежевичный пирог.

Послышался звук смыва, и бабушка вернулась.

Она стала наполнять чайник.

– Сначала нужно спросить разрешения, – сказал я.

Она повернулась ко мне, её губы были плотно сжаты.

– Я проехала две сотни миль и не спала. Могу я выпить чашку чая?

Мы несколько секунд смотрели друг на друга, не желая уступать. Потом я ушёл, оставив её хлопать дверками шкафчиков.

Мама оставила открытую книгу на ручке кресла в гостиной. Книга была о морских приливах. Мамино присутствие расходилось от книги как невидимая, но ощутимая сила. Я аккуратно перевернул страницы. Я не знал, что делать теперь, когда мама и папа мертвы. Я не мог просто продолжать жить как обычно, как ни в чём не бывало. За окном приземлился ворон. Папа любил воронов, говорил, что у них хорошее чувство юмора. Ворон гордо расхаживал по саду.

– Я сделала тебе чай, – сказала бабушка за моей спиной.

Я повернулся к этой странной женщине в фиолетовых ботинках, мужской рубашке с коротким рукавом и вязаной жилетке. Она протягивала мне чашку чая, а её глазницы были отчётливо видны, как лунные кратеры.

– Мама не любит, когда по дому ходят в обуви, – сказал я, проходя мимо неё так близко, как только мог, не отталкивая её руку и не разливая чай.

Наверху в ванной из крана капало, и я закрыл его плотнее. На подоконнике лежала белая галька, которую мама подобрала на пляже. Когда я был младше, мы часто ходили с мамой к морю, хотя в последнее время прогулкам с ней я предпочитал встречи с Митешем и ребятами в городе. Но мама не уставала звать, и в конце концов мы пошли. Она собирала камни и ракушки у линии прибоя, мы лежали на песке, она читала свою книгу, и мы говорили, ни о чём конкретно и ни о чём, что я мог бы вспомнить. Я играл с мячом, не давая ему коснуться земли, а потом мы пошли купаться. Вода была ледяной. Камень был белым, гладким, почти идеальным, не считая складки с одной стороны. Я взвесил его в ладони.

Я смотрел в окно в своей комнате. Ворон разгуливал снаружи, будто бы ожидая друга. За вспаханным полем и тополями торчали скелеты электролиний, с которых свисали тонкие, как хлопковые нити, провода.

Я лёг на кровать и закрыл глаза рукой. Я хотел, чтобы всё это просто прекратило жить, существовать, раз теперь нет мамы и папы.

* * *

Я проснулся уже вечером, дома было тихо. Электролинии и обвисшие кабели были отчётливо видны на фоне яркого размытого заката. Я подумал о звере посреди дороги. После аварии он всё ещё был там. Значит, он не шелохнулся, когда на него мчалась машина. Когда он смотрел на меня, он будто бы смотрел на что-то неживое. И я тоже это почувствовал: я стал неживым, когда он посмотрел на меня.

Я открыл ноутбук и начал искать в интернете породы собак. Я пролистал несколько списков, но ни одна картинка не казалась мне похожей. Больше всего подходили хаски, но виновник аварии был выше и сильнее. Я щёлкнул по очередной ссылке и замер в напряжении. Потому, что нашёл его. Зверя на дороге.

Волк.

От чтения меня отвлёк шум. Хлопающий звук. Он шёл откуда-то снизу. Я подумал, что в дом забралось животное. Может, тот ворон. Я взял мамин камень

вместо оружия и выскользнул из комнаты. Дверь в спальню родителей была распахнута. Хлопающий звук шёл оттуда. Я боком подошёл к порогу и резко открыл дверь. Босая, с мокрыми после душа волосами, в незаправленной блузке, бабушка снимала простыню с родительской постели. Он уставилась на меня, будто бы в полусне.

– Что ты делаешь? – спросил я.

– Мне нужна кровать, – ответила она, сгребая простыни.

Невероятно. Она собиралась спать в родительской кровати. Я подошёл к ней вплотную и сказал:

– Это их комната.

– Я спала два часа. Мне нужна кровать.

– Убирайся, – прошипел я. Капелька слюны упала ей на блузку.

Бабушкин сжатый рот открылся от удивления, но она вернула себе самообладание.

– Не глупи, Лукас. Мне нужно поспать.

Она подошла к корзине для белья, сбросила туда простыни и пошла к тумбочке.

«Это мой дом!» – мысленно орал я.

Она залезла в ящики, копаясь в мамином белье, папиных рубашках, раскидывая их. Я сжал кулаки и вспомнил, что всё ещё держу камень. Я сжал его. Когда бабушка нашла чистую простыню и повернулась, я заметил, что на её блузке были вышиты цветы. Мамина. На ней была мамина блузка.

Она подошла к кровати, развернула простыню и встряхнула её, так что та надулась, как парус. Я почуял запах недавно стираного хлопка и аромат кондиционера для белья. Простыня опала. Я знал, что если останусь, то буду в бешенстве, может быть даже заору и ударю бабушку. Я вылетел из комнаты.

* * *

– Я не собираюсь жить с тобой.

– Это не обсуждается, Лукас.

– Мне плевать: я не собираюсь жить с тобой.

– Ты не можешь остаться здесь.

– Я могу делать что захочу.

– Социальные работники не позволят.

– Ну так не говори им.

– Не глупи, Лукас. Это реальность, а не фантазия.

– Это не твоё дело.

– Ближайший год, пока тебе не исполнилось шестнадцать, пока ты не окончишь школу, я за тебя отвечаю. Я твой законный опекун. Так что это именно что моё дело. Ergo[2 - Следовательно (лат.)], ты будешь жить со мной.

– Нет, не буду.

Бабушка и я уперлись друг в друга взглядами поверх наших завтраков через кухонный стол, будто два шахматиста перед решающим ходом. Бабушка подняла свою кружку, отхлебнула чай, поставила кружку обратно и встала.

– Конечно, – сказала она.

Я победно улыбнулся.

– Едешь в место поинтереснее? – саркастично крикнул я, пока она надевала куртку. – Домой к себе, например?

– Я назначила встречу с директором твоей школы.

– Ты не можешь, – сказал я, вскакивая и выбегая в прихожую. – Это вообще не твоё…

– Потом у меня встреча с твоим соцработником, а после…

– У меня нет соцработника.

– Теперь есть. Она приходила, пока ты лежал в госпитале. Я сказала ей уходить. После я оформляю свидетельства о смерти твоих матери и отца. Хочешь поехать со мной?

Слова «свидетельство о смерти» были как удар в грудь – глухой, медленный, после которого совсем не остаётся сил.

Я не смог ответить.

Она молча подождала, а потом резко открыла дверь, впуская яркий день с его светом, пением птиц и далёким звуком торопливых машин. Дверь закрылась, и я остался один в пустом доме.

Глава 3. Фиат

Бабушка сделала ровно то, что сказала: разобралась со школой, соцработником и свидетельствами о смерти. Кладбищем, ритуальными работниками, священником. Людьми, которые собирались прийти на похороны. Банком, адвокатами, страховщиками. Бабушка была юристом и без труда справлялась с ними. Её голос не повышался и не понижался – она разбиралась с людьми быстро, но с какой-то угрозой в голосе.

Я не мог сказать, что именно в нём было угрожающего, но любой, кто это слышал, отчётливо понимал: если переступишь черту, она тебя уничтожит.

Мне она объяснила, что в завещании была указана как мой законный опекун и что мне придётся переехать на север Камбрии к ней и пойти там в новую школу. Она объяснила, что дом теперь принадлежит банку. Она объяснила, что будет дознание и что мне не обязательно на него являться. Она объяснила, что соцработник и врачи хотели, чтобы я пошёл к психологу, но я не обязан, если не хочу. Я всё понял, но не смог ответить. Как будто я не мог больше говорить, не мог больше чувствовать.

На похоронах ритуальные работники в чёрных костюмах опустили два сосновых гроба в землю на специальных верёвках. Жёсткие воротники сдавливали их шеи. Священник произнёс священнические слова – и всё. Мои родители покинули мир.

После кладбища, в баре отеля, люди разговаривали и ели криспы[3 - Хрустящие хлебцы (от английского crisp).]. На маленькой лужайке, окружённой жуткими елями, яркий мёртвый дневной свет лежал, как толстый слизень.

* * *

Неделю спустя, тёплым сентябрьским днём, мы загрузили маленький красный Фиат. Бабушка собиралась вести его по магистрали на скорости семьдесят миль в час, мимо фур, грузовиков и мотоциклов.

Митеш пришёл помочь нам упаковать вещи и попрощаться.

– Йоу, братан, – сказал он, будто бы жил не в Сомерсете, а на самых опасных улицах Балтимора. – Чё-как?

Я попробовал сделать сложное рукопожатие, которому он меня научил. Как обычно, безуспешно.

– Я должен проехать двести миль в коробке смерти, чтобы жить со странной женщиной на севере, – сказал я. – А как твои дела?

– Твоя бабушка крутая. Помогает тебе, вот это вот всё.

– Она не крутая, Митеш. И вообще, как она собирается вести эту дурацкую штуку так далеко? – чтобы показать, что я имею в виду, я ткнул ногой колесо Фиата.

– Йоу! Бабушка Лукаса, чё-как? – Митеш улыбнулся подошедшей бабушке. Она несла заклеенную скотчем картонную коробку.

– Ты друг Лукаса, как я понимаю, – сказала Бабушка. – Ну, не стойте без дела, мальчики, у нас полно дел.

Мы начали выносить мои вещи. После каждого захода дом всё больше пустел, будто бы умирал. Его окна печально смотрели на бабушкин Фиат, который всё больше проседал под весом моих вещей. Он будто бы устал от путешествия, которое ещё не началось.

Вынеся последние вещи, я увидел, что бабушка прислонилась к машине и опустила голову.

– Ты в порядке? – спросил я с волнением.

– Всё нормально, – сказала она, нахмурившись и возвращаясь в дом.

Всё не было нормально. Она устала. Или была больна. Наверное, у неё было слабое сердце. Что, если посреди автомагистрали у неё случится обморок или сердечный приступ? Наша машина снова врезалась в насыпь как кулак, и мама снова повисла на ремнях, её волосы снова прилипли к щеке, а папина голова снова откинулась под неестественным углом.

– Я не поеду, – сказал я Митешу.

– Оу, – удивился он, – Почему?

– Она разобьётся.

Митеш набрал воздуха, будто собираясь что-то сказать, и закусил губу.

– Дай ей шанс, чувак, – мягко сказал он.

– Но Митеш, это мой дом. Я жил здесь всю жизнь. Здесь все мои друзья. Почему она не может переехать сюда? К тому же, это странно. Мама её ненавидела. Она её ненавидела. Каждый раз, когда они говорили по телефону, она ещё день отходила.

Пока я говорил, лицо Митеша приняло очень неловкое выражение, а его губы сжимались, будто бы он пытался найти способ сказать что-то, что мне не понравится.

– Неужели? – раздалось у меня за спиной.

Мы с Митешем переглянулись, я почувствовал, как покраснел. Она слышала меня. Но с какой стати мне извиняться за сказанное? Это была правда. Мама ненавидела бабушку. Я повернулся к ней. Её глаза были суровыми, как кварц.

– Я не поеду.

– Чёрта с два, мальчик, – её голос был едва громче шёпота.

Повисла тишина, нарушаемая только чириканьем птиц и чирканьем ботинка Митеша по шершавой дороге. Наконец, он сказал:

– Позвольте мне вставить здесь своё слово.

Я никогда не слышал, чтобы он говорил вот так. Обычно он пытался говорить как житель какого-нибудь Детройта. Он щурился на небо, закрыв один глаз. Бабушка проследила за его взглядом. Я тоже. Мне было интересно, на что он смотрит. Мы стояли тихо, втроём разглядывая белые облака, проплывающие высоко над нами.

– Бабушка Лукаса, – сказал Митеш, окинув её и меня серьёзным взглядом, как учитель, собирающийся прочитать серьёзную речь. – Вероятно, Лукас не склонен ехать на машине.

– Не склонен? – озадаченно переспросила бабушка.

– Ехать на машине, – сказал Митеш, сопровождая последнее слово кивком в сторону Фиата, прижатого к земле тяжёлыми коробками. – После автокатастрофы.

Бабушкина голова дёрнулась назад, как будто эта идея ударила её физически, и я увидел, как на её лице появляется новая мысль. Потом она посмотрела на меня, будто бы видя меня в новом свете. Наконец, она уставилась на столбы электролиний. Митеш и я переглянулись.

– Тогда согласишься ли ты на поезд? – спросила наконец бабушка.

Я был так удивлён, что она пошла на уступку, что согласился на компромисс.

– Хорошо.

– Тогда я подберу тебя вечером на станции Кендал.

– Йоу! Круто, бабушка Лукаса! – Митеш повернулся ко мне. – Лукас, мне пора валить, чувак.

Я снова попробовал сложное рукопожатие, и снова безуспешно. Вместо этого мы обнялись. Митеш больно хлопнул меня по спине. Мы кивнули друг другу на прощание, и Митеш вразвалочку ушёл по суровым сомерсетским улицам.

* * *

Поезда несли меня на север. Из Тивертон Парквей в Темпл Мидс в Бристоле, из Бристоля в Бирмингем, из Бирмингема в Престон. В Престоне я не слушал объявление о смене платформы и пропустил свой поезд.

Я написал бабушке, что опоздаю.

Последний поезд шёл медленнее.

Закат.

Ночь.

В окне я видел темноту, иногда с точками света, но в основном размытые отражения пассажиров: мать с двумя детьми, мужчину с банкой пива. Я прижал руку к холодному стеклу. Я знал, что снаружи были холмы, я чувствовал их набухшие формы во тьме, они возвышались над маленьким поездом. Но гораздо сильнее я чувствовал их холод.

* * *

Бабушка встретила меня на станции Кендал. Я собирался извиниться за то, что пропустил поезд, но она всё испортила, сказав:

– Ты заставил меня ждать полтора часа.

Она развернулась на пятках и зашагала.

Я пошёл за ней к Фиату. Северный холод пробирался под мою тонкую куртку.

Она стояла у водительской двери, её лицо было уставшим и каким-то безвольным. Она ждала, пока я сяду. Но я не мог.

– Ты тут заснул что ли? – рявкнула она, залезла в машину и громко хлопнула дверью.

Я не двигался.

Стёкла машины начали запотевать.

Мои пальцы онемели. Холодный воздух жёг мои лёгкие.

Я подумал, что не могу оставаться тут всю ночь.

Тогда я всё-таки открыл дверь и сел в машину.

* * *

Как-то раз папа нарисовал на листке бумаги двигатель машины, чтобы показать мне, как он работает. Рисунок изображал отделы двигателя, у отделов были поршни; поршни двигались вверх-вниз, когда бензин взрывался и толкал их, поршни толкали коленчатый вал, а он крутил колёса.

Двигатель, большой, железный, тяжёлый, расположен под капотом машины. Оттуда, из-под капота, он может на скорости шестьдесят миль в час влететь прямо через приборную панель в передние сиденья.

* * *

Дорога от Кендала то поднималась, то опускалась. Я держался за дверь и за сиденье, не сводя глаз с дороги, потому что я должен был не дать бабушке разбить машину и убить нас обоих. Она практически лежала на руле.

Через четверть часа езды она клюнула носом.

– Баб!

Она резко выпрямилась. Я открыл окно, чтобы не дать ей заснуть.

– Закрой, будь добр, Лукас.

– Ты засыпала.

– Закрой окно. Там мороз.

Я закрыл окно. Слева появился какой-то водоём. Дорога свернула в другую сторону, и мы въехали в длинную долину между гор с белыми шапками.

– Это снег? – я не ожидал увидеть его в сентябре.

– Вроде бы похож, да, – саркастично сказала она.

Я бросил на неё презрительный взгляд.

Она ответила тем же.

– Смотри на дорогу! – сказал я.

Мы молча ехали по долине.

Бабушкина голова снова начала клониться.

– Бабушка! – крикнул я.

Она подпрыгнула в кресле. Фиат резко мотнуло из стороны в сторону.

– Осторожно!

Она выровняла машину, замедлилась, потом ещё замедлилась, съехала на обочину и остановилась. Выключила зажигание, прикрыла рот рукой и застыла. Фары продолжали освещать яркую траву. Их свет рассеивался в тёмных полях, окружавших дорогу. Порыв ветра толкнул машину.

– Бабушка?

Она не ответила. Она будто бы превратилась в камень.

– Ты больна? Ты ведь больна, не так ли?

Я потянулся к ней. Я хотел потрясти её за плечо, но она отдёрнулась от моего прикосновения и заплакала. Она вздрагивала, как маленький ребёнок, поранившийся на детской площадке. Я не хотел, чтобы она плакала. Я не знал, как заставить её прекратить плакать.

– Аккумулятор разрядится, если не выключить фары, – сказал я.

В какой-то момент она перестала. Мы молча сидели в машине, покачивающейся от порывов всё того же ветра. Она выключила фары.

– У тебя есть платок? – спросила она хрипло.

– Нет.

Она вытерла нос рукой, как маленький ребёнок, сделала глубокий судорожный вдох, будто готовясь к серьёзному делу, потом выпрямилась, включила зажигание, включила фары, включила передачу, и, не глядя на меня, выехала на асфальт.

* * *

Мы свернули с главной дороги на просёлок. Он плавно поднимался меж каменных стен по холму, направляясь к тёмному лесу у подножия горы. Над лесом я видел складку хребта, по которому текла вода. Мы въехали в лес, и фары осветили золотисто-жёлтый проезд меж деревьев. Потом, внезапно, справа появился коттедж.

Глава 4. Коттедж

Когда мы въехали в ворота, шины издали странное жужжание. Фары осветили круглую подъездную дорожку, окружавшую небольшую горку земли. Потом они скользнули по стенам коттеджа, и я разглядел серый камень и чёрный шифер. Фары осветили забор, мы ехали прямо на него. Бабушка резко затормозила, и машина остановилась в нескольких дюймах от досок забора. Двигатель, а за ним и фары, отключились.

Я вышел навстречу пронизывающему холодному воздуху и глубокой тьме. Я слышал только шуршание ветра в листьях, шорох гравия под бабушкиными ногами, шорох сумки, в которой она искала ключи. Ветер стих, но я всё ещё слышал звук. Может, это текла вода в горах? В лесу хрустнула ветка.

– Бабушка?

Она всё ещё рылась в сумке. Я подбежал и схватил её.

– Это он? – я держал ключ от двери.

Я чувствовал: её раздражает, что я нашёл его. Она взяла ключ и ткнула им в замок.

– В лесу водятся животные?

Ключ мягко повернулся, яркий свет залил красную дверь, и она вошла внутрь.

Я оглянулся в темноту, а потом тоже вошёл.

Прямо напротив входа была лестница, а слева, сразу за корзиной с тростями, тёмная комната. Справа был короткий коридор, который вёл к открытой двери. Бабушка положила сумку на стол под лестницей, плотно закрыла другую дверь, справа, прошла по коридору и включила свет. Там была кухня.

– Хочешь что-нибудь съесть? – спросила она.

Я прошёл за ней и остановился у складного пластикового стола.

– Тарелки там, – она кивнула на шкаф, доставая хлеб.

Я достал видавшую виды посуду.

Она вскрыла консервную банку, вывалила и перемешала фасоль, положила на шипящий гриль хлеб.

– Можешь включить отопление? – спросил я.

– Нет.

Мы сели ужинать. Когда она откусывала хлеб, я слышал, как хрустит её челюсть. Не зубы, именно челюсть.

Потом она отвела меня наверх, в комнату, которая должна была стать моей.

Из огромного комода она достала полотенце и простыни, повидавшие не меньше, чем посуда на кухне.

– Это была комната твоей матери.

Она раскинула простыню на кровати.

– Давай, – поторопила она, и я обошёл кровать и заправил простыню, как учила мама.

Мы молча заправили кровать, а когда закончили, бабушка на секунду замерла. Она была так измотана, что мне стало её даже жаль.

– Спасибо, – сказал я.

Она вышла, не дав понять, слышала ли она меня.

Я стоял на месте и прислушивался к звукам нового дома. Я слышал, как включился нагреватель, когда в душе потекла вода, потом хлопнула дверь ванной, и, чуть позже, – дверь спальни. В коттедже было тихо. А ещё холодно. Куртка всё ещё была на мне, я выдыхал небольшие облачка.

Глава 5. Силуэт

Я проснулся от ужасной жары. В горле пересохло, я весь вспотел. На мне всё ещё была вся одежда. Я достал из кармана телефон – нет и четырёх.

Ветер шептался с каменными стенами.

Я долго лежал, не думая ни о чем. Я видел комод, сгусток темноты. Одеяло было бледным. Оно пахло не как моё – затхло. Простыни были мягче, чем дома, но не в хорошем смысле, а будто бы они вот-вот рассыплются от ветхости.

За коттеджем вдалеке слышался неясный звук воды. Бесконечный, глубокий, холодный шёпот. Дом прислушивался ко мне так же, как я к нему.

По главной дороге проехала машина и растворилась вдалеке, оставляя позади дом, бегущую по горе воду и… что-то ещё.

Там было что-то ещё.

Я напрягся. Потом зло отбросил одеяло и подошёл к окну. Темнота.

Я пересёк комнату и открыл дверь тишине. Послушав немного, я вышел к лестнице. Неясный стук слышался из одной из нижних комнат. Я походил по лестничной площадке и медленно спустился вниз. Через кружок неровного стекла над входной дверью светила луна. Она чуть освещала коридор и стоявшие, словно копья, зонты и трости. За открытой дверью в гостиную было темно. Я повернулся к кухне. Стук слышался оттуда. Я медленно вошёл. Не стук. Звук капель. Мама вновь висела на ремнях безопасности. Я крепко закрыл кран.

Тишина.

Послышалась ещё одна машина. Казалось, ей понадобилась вечность, чтобы добраться до конца переулка. Наконец она проехала мимо, и когда исчезла, коттедж, гора и поток показались более реальными.

Внезапно я понял: оно всё ещё тут, то, что я почувствовал наверху.

Я отпер замок на задней двери и открыл её. Пустой сад. Я вышел босиком на ледяной бетон.

Изморозь покрыла траву. Деревья стояли мрачно и недвижимо. Я поёжился.

А потом что-то выступило из тьмы.

Я вбежал внутрь, захлопнул дверь, запер её, пронёсся через коттедж и схватил из корзины трость.

Затем отступил в гостиную, в кресло. Поджал колени, закутался в плед и замер, слушая тишину.

* * *

Я не знал, что это было. Я отвернулся прежде, чем увидел. Я не хотел видеть. Но был уверен, что это то, чего здесь не должно было быть.

* * *

– Хочешь чашку чая?

Бабушка отдёрнула занавески в гостиной и повернулась ко мне в бледном утреннем свете.

Из-под розовой ночнушки, которая выглядела как полотенце, торчали щетинистые ноги в белых носках. Она вышла, и я встал. От холода всё занемело. Трость-дубинка упала на пол. Я подошёл к окну.

За окном виднелась овальная лужайка, окружённая лесом. Лес протягивал к ней свои пальцы, будто бы пытаясь коснуться краешка, но там были забор и поле, плавно поднимавшееся к подножью горы.

Коттедж был развёрнут к горе не прямо, а под углом, так что он смотрел ещё и на долину. Гора вздымалась высоко и почти вертикально, её нижнюю часть покрывал коричневый папоротник. Над ним были полянки с клевером, выше – трава, пробивающаяся между осыпей, и, на самом верху, зазубренный хребет, который тянулся вдоль долины. Из-за гладкости травы и зазубренного позвоночника она была похожа на чьё-то тело. Кое-где гранитно-серые камни стояли аккуратными блоками. Наклонив голову, я видел, как слева длинный хребет сворачивается внутрь, и получается складка. Наверное, оттуда вытекала белая вода, которую я заметил прошлой ночью.

В дальнем конце сада, на заборном столбе, сидел ворон, большой и блестящий, его клюв изгибался, как зуб дракона. Он взлетел в небо и пролетел над пустым полем.

* * *

Суетящаяся в свете кухни бабушка выглядела странно. Её седые волосы торчали как у мультяшного персонажа, который только что получил разряд тока. Лицо опухло, губы поникли. Рот у неё был похож на мамин, с такими же полными губами. Две вертикальные морщины пересекали лицо от уголков рта и до подбородка.

Гриль шипел.

Она положила на стол пачку масла, подошла к раковине и задумчиво уставилась в окно, наклонив голову, как мама.

– Я договорилась со школой, мы сейчас отправимся туда, – сказала она, выпрямляясь и глядя на меня.

Я вздрогнул. Если мне нужно было куда-то отправляться, то только в постель.

– Я плохо себя чувствую.

– Что с тобой?

– Меня тошнит.

– Так съешь что-нибудь.

Она принесла два тоста и положила их на пачку масла, грохнула на стол тарелки и ножи.

– Мне сначала нужно разобрать вещи.

– Разберёшь их, когда вернёмся.

Она взяла тост и намазала его маслом.

– У нас встреча с директором в полдень.

Я хотел сказать, что не поеду, и уже открыл было рот, но она наклонила голову и снова задумалась, как мама. Как будто в ней жил мамин призрак.

* * *

– Мы будем делать это каждый раз, когда нужно сесть в машину, Лукас?

Я стоял у двери коттеджа, глядя на Фиат. Бабушка ждала меня у водительской двери, держа в руках ключи. Яркая помада на губах, волосы аккуратно причёсаны. Она надела строгую шерстяную куртку и толстые чулки, которые скрыли её щетинистые ноги.

– Да, – ответил я.

– О, так ты говорить умеешь?

Дом она уже заперла, а ключа у меня не было, так что идти некуда, разве что в горы. Туда я идти не хотел.

– Торопись, у нас назначена встреча, и я не хочу из-за тебя опоздать.

– Но там должен быть я. Так что без меня ты не поедешь.

– Именно, – она открыла дверь машины. – Так что полезай.

Я рассердился на её мутную логику, а она села в машину и распахнула пассажирскую дверь.

Я залез внутрь.

Она несколько раз медленно повернула руль, а затем тронулась на слишком больших оборотах двигателя, что не внушало мне уверенности. Что-то в кармане мешало мне. Белый камень. Мамин.

Мы переехали закрытую решёткой канаву и на второй передаче выползли по проезду меж деревьев навстречу утру.

Глава 6. Школа

– Ты собираешься таскать это с собой? – спросила бабушка, указывая глазами на камень.

Я положил его в карман и бросил на неё очередной свирепый взгляд.

– Лицо попроще, – сказала бабушка, паркуясь.

Она вылезла. Я, помедлив, вылез тоже.

Школа стояла у склона под главной дорогой. Её как будто построили из нескольких бетонно-стеклянных коробок, слепленных вместе. Через стеклянный вход было видно просторный вестибюль и балкончик над ним. В кабинете со стеклянными стенами шёл урок. Я сунул руку в карман, чтобы почувствовать холодную тяжесть камня, и сжал его так, что почувствовал кости своей ладони.

* * *

– Мы зачислим тебя в одиннадцатый «Ф», класс мисс Эндрюс. Она уже назначила тебе проводника на первые несколько дней.

Директор, мистер Бонд, был лыс. Когда он говорил, то время от времени, откидываясь в кресле, прикрывал свой лысый череп широкой рукой и приглаживал утраченные волосы. Он делал это как-то нарочито. Я никак не мог понять этот жест.

– Сможет ли Лукас сдать выпускные экзамены в этом году? – спросила бабушка.

– Это зависит и от Лукаса тоже, – улыбнулся мистер Бонд, бросая взгляд на меня.

Хоть он и был доброжелателен, но взгляд его был таким, будто он изучал меня, как одно из насекомых, которых мы препарировали на естествознании. Я опустил глаза. Под столом на ковре бледнело какое-то пятно.

Мистер Бонд снова заговорил, но теперь вместо его слов я слышал какой-то мерный стук, будто что-то капало.

– Это зависит от Лукаса, м-м?

Я поднял голову. Он всё так же изучал меня. Мне даже захотелось послать его к чёрту.

– М-м, Лукас? – повторил он.

Внезапно я почувствовал, что моя злость пропала.

– Да, я буду учиться, – сказал я, снова глядя на ковёр. – Я сделаю всё, что от меня зависит, – краем глаза я смотрел на пятно. – Постараюсь, – сказал я уставшим голосом.

– Когда он сможет приступить? – спросила бабушка.

– В понедельник.

– Что ж, мистер Бонд, спасибо.

– Рад помочь, миссис Лэнсдейл.

Оба поднялись и обменялись рукопожатием так, точно я был каким-нибудь известным футболистом, а они заключили контракт, передав меня друг другу. Или продав меня дьяволу.

Встав, я заметил, что капающий звук ускорился, и я понял, что это мой собственный пульс отдаётся у меня в ушах.

– Что ты о нём думаешь? – спросила бабушка, когда мы шли по пустому коридору.

Я пожал плечами.

– А я думаю, что он самодовольный придурок. Будь его воля, он бы весь кабинет увешал своими портретами.

От удивления я сбился с шага и замер.

– Давай, Лукас, поторапливайся.

Глава 7. Понедельник

Теперь всё было по-другому. Холодный свет, запах горящего дерева в гостиной, запах выветрившихся духов в моей комнате, а в понедельник меня ждала другая школьная форма. Мы купили её на выходных в магазине в Кендале. Когда я собирался в школу утром понедельника, прежними на мне оставались только трусы и ботинки.

Перед тем как выходить из дому, я положил белый камень в карман.

Теперь я должен всё делать сам.

* * *

В тот день Малкольм постоянно вытягивал из кармана большой белый платок чтобы высморкаться. Или сжимал его в руке. И каждый раз, как я видел его с тех пор, он был простужен.

– Библиотека, – хотел сказать он, но из-за насморка получилось «бибиадегэ». – А вот опять площадка.

Мы остановились на асфальтовом прямоугольнике меж кабинетов, чьи стены отражали несколько сотен голосов, вздохи и крики примерно восьми теннисных матчей за раз. Футбольный мяч с оглушительным стуком ударялся о высокий сетчатый забор, окружавший поле. Они стояли у его четвертой стороны.

– Это Клетка.

Внутри носились мальчики в незаправленных рубашках. Они толкались, кричали: «Пасуй!» – «Сюда!» – «Хватай!»

Над долиной разнёсся гром, и, обернувшись, я увидел чёрный истребитель, скользящий над верхушками деревьев. Он прошёл так низко, что я разглядел рот и подбородок пилота в кокпите. Истребитель скрылся за елями.

– Что это, чёрт возьми, такое?

Мне пришлось кричать, потому что рёв истребителя заполнял всё небо, даже когда тот уже скрылся из вида. Никто на площадке, похоже, не обращал на это никакого внимания.

– Пилоты готовятся к Ираку, – сказал Малькольм, когда рёв затих. Его взгляд был мрачен.

– Не-е, – раздался чей-то голос.

Высокий черноволосый парень подошёл так близко, что мне пришлось слегка отступить. Кажется, его позабавило мое удивление, и он ухмыльнулся.

– Не, думаю, армия ищет новенького.

На волосах его лежал гель, брови были совершенно чёрными. Он сделал шаг в мою сторону и усмехнулся. А потом неожиданно протянул руку.

Я не был уверен, не разыгрывает ли он меня, но протянул свою в ответ.

– Что ж, как его зовут, Малки? – спросил он.

– Лукас, – ответил я.

– Откуда он?

– Из Сомерсета, – меня взбесило, что он обращается к Малкольму, но его это так развеселило, что он засмеялся.

– Чё ты здесь делаешь, приятель? – спросил он теперь уже меня.

Будь он Митешем, я бы сказал какую-нибудь глупость, типа «папа теперь выступает в кендальском цирке». Но этот парень застал меня врасплох, поэтому я просто ответил:

– Я переехал к бабушке.

– Почему? Твои родители развелись, или типа того?

Я не был готов к этому вопросу и не знал, что сказать. У этого парня как будто был талант зацеплять меня тем, о чём я не хочу говорить. Пытаясь придумать, как ему ответить, я открывал и закрывал рот, точно золотая рыбка.

– Жёваный крот, Малки, он даже не знает, что с его родителями.

Мне хотелось, чтобы он провалился.

– Он вообще говорить умеет? – снова осклабился он, глядя на Малкольма.

И прежде чем тот успел сказать хоть что-то в ответ, он хохотнул и ушёл, подмигнув и ткнув в меня пальцем.

– До скорого, Сомерсет, берегись охотников!

Я смотрел, как он неспешно идёт к Клетке. Непослушные пряди над его ушами торчали, несмотря на гель. Я подумал, а не достать ли мой камень и не запустить ли ему в голову.

– Со Стивом Скоттом шутки плохи, – прошептал Малкольм. – Можно и в больницу угодить.

Я бросил на него короткий взгляд.

– Серьёзно, – сказал он.

Но не успел я узнать о том, как Стив Скотт отправляет людей в больницу, к нам подскочили два парнишки. Судя по их росту, на несколько лет младше нас.

– Малки! – крикнул один, блестя распахнутыми невинными глазами. – Мы тебя везде ищем. У нас же война.

Малкольм взглянул на часы и нахмурился, будто принимал трудное решение, а потом спросил у меня:

– Ты играешь в ролевые игры?

– Нет.

Он печально кивнул, но вдруг скорчил такую гримасу, будто ему вдруг приспичило.

– Иди, если надо, Малки.

– Видишь ли, я гейм-мастер[4 - Гейм-мастер – в словесных ролевых играх так обычно называют ведущего.]. Можешь пойти с нами, если хочешь.

Немного подумав, я покачал головой. Они втроём скучковались и пошли прочь. Младшие разок обернулись, слушая, что Малкольм рассказывал им обо мне.

* * *

Впервые увидев Дебс, я решил, что она самодовольная корова. Она стояла около стойки выдачи в библиотеке, держала под мышкой книгу «Под стеклянным колпаком»[5 - Роман американской писательницы Сильвии Плат о молодой

девушке, пытающейся найти своё место в мире, где женщина – это в первую очередь мать и жена. Действие романа происходит в 1950-х годах в США.] и жевала жвачку, широко открывая рот. Я пришёл сюда получить читательский билет, и ждал, пока библиотекарша отыщет что-то под стойкой. Дебс прижалась к стойке бедром и закатила глаза. Она смотрела мимо меня, точно я был пустым местом, но при этом стояла так близко, что мне пришлось отвернуться, чтобы не видеть её.

Светло-русые волосы до плеч. Ровные и ухоженные. Одна дырка для пирсинга в носу, две в ухе. Голубые глаза. Не небесно-голубые, а бледные, почти серые.

– Чё уставился? – спросила она.

Я посмотрел на её рот, издававший чавкающие звуки. Чавк-чавк-чавк. Это ужасно бесило меня.

– Я жду, когда мне выдадут читательский билет, – сказал я.

– Долго ждать придётся.

Библиотекарша зло взглянула на неё и продолжила ковыряться под стойкой.

– Я в одиннадцатом «Ф», – сказал я. – А ты в каком?

Она продолжала жевать, дыша мятой и сигаретами.

– Ты запал на меня что ли? – спросила она наконец.

– Нет, – ответил я, слегка покраснев. – Я новенький. Пришёл за читательским билетом и просто говорю с тобой.

Я повернулся к ней плечом.

– Вот она, – библиотекарь встала и протянула Дебс тонкую книжку. На обложке был нарисован волк. Книга называлась «Луперкаль»[6 - Луперкаль – пещера, в которой, по преданию, волчица нашла и выкормила Рема и Ромула. Здесь имеется в виду одноимённое собрание сочинений Теда Хьюза.].

Дебс ненадолго застыла.

– Увидимся, – неопределённо сказала она.

Но моё внимание уже привлек волк на обложке. Он низко опустил голову и хищно смотрел на меня.

* * *

Мисс Эндрюс была моим классным руководителем и учителем английского. В её кабинете полки были заполнены книгами, а стены – украшены рисунками учеников. Было заметно, что мисс Эндрюс старалась навести здесь уют. Я выбрал место сзади, у стены, рядом с растениями. К счастью, она не спрашивала меня о книге, про которую рассказывала – «Зов предков»[7 - Роман Джека Лондона о псе Баке, которого привозят из Калифорнии в Юкон (территория Канады) и заставляют работать ездовой собакой. Бак сталкивается с жестокостью природы, тяжёлой работой и враждебностью других собак.], но то и дело поглядывала в мою сторону, чтобы убедиться, что я слушаю. Я старался, но у меня не очень-то получалось. Не только на её уроке. На всех уроках. Когда она говорила, я слышал фразы, но не мог понять их. Я пытался разобрать сказанное по словам и понять значение каждого в отдельности, но к тому моменту, как я осиливал только одно, она уже уходила далеко вперёд. Раньше у меня не было такой проблемы. Я подумал, вдруг это могло быть как-то связано с катастрофой. Каким-то повреждением мозга.

На английском мы оказались вместе со Стивом Скоттом. Он заговаривал, только когда его спрашивали: выдавал что-нибудь саркастическое и смешил всех, кроме мисс Эндрюс. Но и она особо не сердилась: отпускала колкость в ответ и продолжала вести урок.

Снаружи были горы, зелёные с золотым. Облако отбрасывало на них свою тень.

– Лукас Петтифер, то, что ты не читал книгу, не значит, что ты можешь спать на уроке.

Я почувствовал, как краснею.

– Но мисс, – парировал Стив, – Эта книга такая скучная, что мы все спим. Новенький просто не умеет это скрывать, в отличие от нас.

Все засмеялись.

– Это точно, Стивен, на твоём лице не видно ни капли интереса. Кто мне скажет, изменился ли Бак после того, как покинул Калифорнию?

Стив Скотт саркастично ухмыльнулся мне и снова повернулся к мисс Эндрюс. Мне казалось, что он её провоцирует. Я не мог его понять. Он делал свои саркастические замечания назло или просто хотел пошутить? Может быть, когда он шутил надо мной на площадке, он просто пытался по-своему быть дружелюбным?

После урока мисс Эндрюс попросила меня задержаться. Я медленно подошёл к ней.

– Как твой день?

Я пожал плечами. Белые сандалии подчёркивали её загорелые и гладкие лодыжки.

– Вот, – сказала она, протягивая мне бланк. – Бабушка должна подписывать твои домашние задания, пока у неё не появится доступ онлайн.

Видимо, она знала, что бабушка мой опекун. А значит, знала и о моих родителях. Мне не нравилось то, что все учителя знают о моих родителях. Я взял бланк. В моей прошлой школе была такая же система, ясно, что теперь за такие вещи отвечает бабушка.

– Тебе надо много нагнать. Ты любишь читать?

Я пожал плечами.

Через открытые носы сандалий можно было разглядеть её ярко-зелёные накрашенные ногти.

– Если захочешь о чём-то спросить, если у тебя будут трудности, обращайся ко мне. Хорошо?

На её запястье болтался радужный браслет. Интересно, сколько ей лет. По лицу разобрать невозможно. Отчасти потому, что она была учителем, а у меня не получается угадывать возраст учителей. А отчасти потому, что она ждала моего ответа, а это мешало думать.

– Ну ладно, – она улыбнулась.

В каком-то смысле это означало конец разговора. Она собрала книги и бумаги, сложила в свой здоровенный чемодан с широкими челюстями. Наверное, он ел на завтрак наши домашки.

Я сложил бланк, который она мне дала, и сунул его в рюкзак.

Глава 8. Труп

Я спрыгнул с автобуса в деревне и отправился к бабушкиному коттеджу. Я шёл по дороге, а когда приближалась машина – по обочине. Каждый проезжающий автомобиль обдавал меня потоком воздуха, а я притворялся, что не боюсь быть сбитым металлическим боллидом, который несётся со скоростью шестьдесят миль в час всего в полуярде от меня.

День уже клонился к вечеру. Я почувствовал, как странно тихи деревья. Они как будто прислушивались ко мне. Или к чему-то ещё.

Бабушкиной машины во дворе не было. Я открыл дом ключом, который она мне дала, и сел с домашкой за кухонный стол. Но сконцентрироваться на «Зове предков» у меня никак не получалось. Главного героя, пса Бака, вырвали из его спокойной жизни в Калифорнии, привезли в Канаду и вместе с несколькими хаски впрягли в сани. Но я не мог сфокусироваться на нём больше, чем на минуту. Не было ни интернета, ни связи на телефоне, так что географию я тоже не сделал. Я сдался и подошёл к кухонному окну. На дорожке сидел певчий дрозд. Зажав в клюве улитку, он тюкал её об бетон, затем наконец разбил

раковину, клюнул несколько раз и улетел, оставив ошмётки.

Я думал о том, как долго не будет бабушки. О том, не заснёт ли она за рулём и не разобьётся ли насмерть.

Под лестницей рядом с телефоном стоял стол с глобусом-светильником. Я включил глобус, и он засветился синим и пшенично-жёлтым. Я выключил его и снова включил. Выключил, включил. Если я позвоню, она подумает, что я веду себя странно. Я выключил глобус, подошёл к корзине у входной двери и вынул трость-дубинку. Один её конец был толстым, похожим на лимон. Я взмахнул ею пару раз, притворяясь, будто бью то, что видел во тьме. А потом открыл дверь, которую бабушка держала закрытой.

В комнате стоял тёмный обеденный стол, пахнувший полиролью, со множеством папок формата А4 на дальнем краю. У окна – письменный стол, заваленный бумагами.

На подъездной дорожке зашуршал гравий, и бабушкина машина въехала во двор. Я поскорей выскочил из тайной комнаты.

– Ты был в моём кабинете? – спросила бабушка, как только вошла в дом.

– Нет.

Она поставила чайник.

– Я не хочу, чтобы ты в него заходил.

– Я не заходил.

– Это личное.

– Мне нужен интернет.

– У меня нет интернета.

– Он нужен мне для домашнего задания.

– Ну, у меня его нет.

Пока чайник закипал, повисла тишина. Она налила себе кружку чая.

– Хочешь?

– Я не пью чай, – сказал я, собрал свои книги и собрался уйти.

Дома я рассказывал маме о том, как прошёл день в школе. Я замер в двери.

– В школе было нормально, – сказал я.

Из её кружки поднимался пар. Она повернулась ко мне.

– Ты узнал что-нибудь новое?

– Историю про собаку.

– Собаку?

– Ага.

– Как тебе эта история, понравилась?

Я пожал плечами.

Повисло молчание, бабушка отвернулась. Я вспомнил, как легко было рассказывать маме о том, что происходило. Она смеялась, когда я рассказывал.

Поднявшись наверх, я всё-таки попытался делать уроки, но вместо этого стал разглядывать большие деревья, листья которых окрашивались в жёлтый, золотой, ржавый, оранжевый – во все цвета спектра между жизнью и смертью. Я достал бланк, в котором должна была расписаться бабушка, и вернулся к домашке.

* * *

Я встал рано утром, чтобы почитать «Зов предков», но так и не смог. Я попытался прочесть предисловие. Там говорилось, что это книга о собаке, которая хотела быть волком, но смысл по-прежнему ускользал от меня. Как будто мой мозг сломался.

Бабушка окликнула меня снизу и велела собираться в школу.

Я взял бланк, в котором она должна была расписаться, взял ручку и написал бабушкино имя вместо неё.

* * *

В школе у всех были свои компании. Я не знал, к какой присоединиться, или даже как присоединиться хоть к какой-то. Как бы там ни было, я не хотел ни с кем говорить. Они все хотели знать, почему я переехал. Поэтому я общался с Малки и смотрел, как он и его друзья играют в ролевую игру. Они предлагали мне создать персонажа, но я отказывался. Иногда уходил в библиотеку и смотрел оттуда на золотые горы и истребители, с рёвом пролетающие над долиной. Иногда я видел там жующую жвачку симпатичную читающую Дебс. Она всегда была сама по себе. Однажды она меня заметила и усмехнулась.

* * *

В пятницу я узнал про волка.

Обычно мы ужинали за красным кухонным столом, а потом бабушка смотрела местные новости. Это было невероятно скучно, но тем вечером я больше не мог видеть свои учебники, поэтому уселся рядом с ней.

По телевизору как раз рассказывали про волка.

На экране расстилалась долина.

– Мы в горах Озёрного края, – говорил диктор новостей.

Камера пронеслась над горами, на экране появился репортёр, стоящий в поле и крепко сжимающий микрофон.

– Этот регион известен своим спокойствием. Но что-то нарушило этот покой, и опасность прокралась в мирный уголок Англии. Что-то стало убивать животных на местных пастбищах, – камера показала несколько чёрных овец, щиплющих траву. – На данный момент убито уже три овцы. Убийца, несомненно, – хищное животное. И, по словам местного фермера, это волк.

Это слово заставило меня напрячься.

На экране появился обветренный мужчина в очках и с суровым взглядом, одетый как обычный фермер: в непромокаемую куртку и клетчатую рубашку.

– Вы считаете, что этих животных убил волк? – спросил репортёр, пихая микрофон под нос мужчине.

– Им вынули внутренности. Лёгкие и сердце. Ничего не оставили. Только волки так делают.

– А что вы ответите на предположение тех, кто считает, что это просто одичавшая собака?

Мужчина на секунду замер, а затем тихо проговорил:

– Точно волк.

– Шеридан чёртов кретин, – сказала бабушка[8 - В Англии из-за вырубки лесов и активной охоты волки были полностью истреблены ещё в начале XVI в. В честь этого события даже установили памятник. Последний волк в Шотландии был убит в 1680 г., в Ирландии – в 1710 г.].

– Ты его знаешь? – спросил я.

– Все его знают. Уцепится за какую-нибудь идею, потом не выбьешь.

– Значит, это где-то рядом?

– Он дурак.

– Я видел что-то в лесу ночью, когда мы только приехали.

Она посмотрела на меня.

– Не глупи, – сказала она.

Солнце уже садилось, в лесу было темно. Густой туман, тоже тёмный, поднялся из долины.

* * *

В пятницу вечером дома я бы нашёл чем заняться. Пошёл бы в кино или к другу. Поэтому я позвонил Митешу. Сети здесь не было, так что я звонил по городскому телефону и стоял у столика под лестницей, крутя глобус, пока в трубке раздавались гудки.

– Йоу, – ответил Митеш.

– Эй.

– Кто это?

– Люк.

– Лукас! Чё как?

– Да так.

– Ты шутник, братан. Ну, как тебе там?

Глобус ярко светился.

– Тут горы, – сказал я. – И озёра.

Раздался приглушённый смех.

– Чувак, да ты жжёшь.

Судя по звуку, Митеш шёл по улице. Несколько секунд он молчал.

– Как дела? – спросил я.

– Братан, – прошептал он, будто бы рассказывая тайну. – Джоуи хипстер! Татуированный!

И захохотал так громко, что мне пришлось отодвинуть трубку подальше от уха. Я крутанул глобус и смотрел, как исчезает Финляндия.

– Не могу поверить, что его мама разрешила ему татуировку! – внезапно он остановился. – Прости, – сказал он севшим голосом. – Я не хотел напоминать…

– О чём напоминать?

– Ну, знаешь… о родителях. Ты в порядке? – его голос сорвался в конце, усугубляя неловкость.

– Ага, – ответил я, глядя на пролетающую Россию.

– Хорошо, – сказал он, снова зашагав куда-то. – В общем, мы сегодня идём на концерт одной группы.

– Да? Какой?

– The Vanguard.

– Никогда о них не слышал.

– Я уже почти там.

– Оу! – сказал я, поняв, что он торопится. – Тогда до скорого, Митеш.

– Окей, братан?

– Конечно. Окей. Окей.

– Я позвоню на выходных. Окей?

Но не успел я сказать, что уже выходные, как он повесил трубку.

Глобус остановился на Тихом океане. Я выключил его.

Бабушка сидела в кресле и читала.

– Как поживает твой друг?

Я сел в кресло напротив. В её книге с чёрно-белыми злыми лицами на обложке говорилось о забастовке.

Я смотрел на незажжённый камин. Такой теперь была моя жизнь. Такой теперь была моя жизнь? Я подумал о том, чтобы прогуляться в одиночку. Потом про лес. Там уже было темно.

– О чём эта книга? – я попробовал завести разговор.

Она посмотрела на меня поверх очков.

– О том, как правительство Британии объявило войну её жителям[9 - Вероятно, имеется в виду забастовка британских шахтёров 1984–85 годов.].

– Я пойду прогуляюсь.

Она перевернула страницу.

– Возьми фонарь, – сказала она. – В лесу темно.

– Я знаю, – сказал я и, взяв фонарь, который висел около тростей, вышел из дома.

Глава 9. Беседка

Торопливо выйдя из леса, я увидел свет в деревне, и поспешил в его направлении. Мимо меня пролетали фары, опасные, как собаки-убийцы.

Единственным открытым магазином оказался 7-11[10 - 7-Eleven – крупная сеть небольших магазинов.]. Двое работников обсуждали парня по имени Дэнни, которого обвиняли в нанесении тяжких телесных повреждений. Походив пять минут по магазину, я отправился изучать остальную деревню. Она была маленькой, и делать тут было нечего. Прямо сейчас Митеш и остальные слушают The Vanguard в тёплой компании. Я поёжился. Пальцы онемели. Ниже по улице я нашёл парк.

Он был огорожен стеной. В дальнем его конце виднелся тёмный павильон – наверное, самое интересное, что я видел в этой деревне. Было приятно погрузиться во тьму, выйдя из яркого света фар и фонарей. Как будто я был невидимым и мог притвориться, что меня и не было вовсе. Что произошедшее не произошло. Мама, папа, авария. Переезд. Школа.

У павильона маячили несколько фигур.

Я замедлился.

Они смотрели, как я приближаюсь, так что я решил медленно развернуться.

– Сомерсет! – позвали меня.

Я остановился.

Ко мне подошёл парень с саркастичной ухмылкой. Было темно, но по силе сарказма я понял, кто это.

– Всё в порядке, приятель? – спросил Стив Скотт.

Я кивнул.

– А ты неразговорчивый, да?

– Что ты здесь делаешь? – спросил я.

– Я здесь живу. А ты где?

Я неопределённо махнул рукой.

Он рассмеялся.

– Я жду брата, – он приобнял меня за плечо и пошёл вперед.

Я мне не хотелось сбрасывать его руку и лезть на рожон, поэтому пришлось пойти с ним в сторону павильона. Когда мы подошли ближе, я увидел ещё двоих.

Он наконец отпустил меня. Павильон оказался ничем иным как обычной парковой беседкой. Стив залез на скамейку и уселся на её спинку рядом с парнем помельче. Ещё один, крепкий и здоровенный, как профессиональный регбист, скрючился на скамейке так, будто у него болел живот.

– Это Зед.

Скрюченый парень поднял голову. Свой подбородок он прятал в спортивной куртке. Его голова казалась квадратной. Отчасти – из-за очень короткой стрижки.

– А это Алекс.

– Дарова, – прорычал Алекс.

– Как тебе здесь? – спросил Стив, доставая табак и бумагу.

– Нормально. Чем здесь можно заняться?

– Ничем. Это смерть при жизни.

Алекс выдавил смешок.

– Как там в Сомерсете? – спросил Стив.

– Да уж теплее, чем здесь.

Стив усмехнулся, пробегаясь пальцами по самокрутке. Алекс не сводил с меня взгляда.

– Тогда почему ты живёшь с бабушкой? – спичка осветила лицо Стива, гель сверкнул на его волосах.

Я не знал, как отвечать.

Он затушил спичку, помахав ею.

– Где твои родители?

– Когда твой брат придёт? – спросил я.

Стив, скручивая сигарету, вздохнул.

– Ты меня утомляешь, Сомерсет.

По моей коже пробежали мурашки. Я был здесь только потому, что он меня позвал. Сунув руки в карманы, я нащупал белый камень и сжал его в кулаке. Машина, свернув с главной дороги и ворча двигателем, приближалась к беседке.

– А вот и он, – сказал Стив. – Мы устроим тебе экскурсию.

Машина остановилась. Открылась дверь, в салоне в этот же миг загорелась лампочка, осветив человека внутри. Затем дверь захлопнулась, и он исчез. А через несколько секунд снова появился уже возле беседки.

– Стив? – мягко позвал он.

– Дэнни.

– Идиот, заставил меня приехать за тобой.

– Я говорил с нашим гостем.

Мужчина бросил на меня взгляд и молча направился к своей машине.

Стив спрыгнул со скамейки. Алекс нервно соскочил. Зед поднялся. И ещё поднялся. Он оказался не просто здоровяком, а каким-то гигантом.

– Пошли, Лукас, – позвал Стив.

Я решил, что в пятницу вечером в пустошах Камбрии заняться больше нечем, поэтому отправился с ними. Свет лампочки в салоне очерчивал их силуэты. Зед, садящийся в машину, напоминал носорога, который пытается втиснуться в телефонную будку. Алекс запрыгнул за ним, как гончая.

Стив ждал меня.

– Давай, приятель.

Двигатель рявкнул и взвыл.

Размётанные кристаллы стекла. Папина неестественно повёрнутая шея.

– Он идёт или чё? – скулил Алекс из машины. – Я сейчас коньки отброшу.

Стив заглянул в машину.

– Заткнись!

Алекс взвизгнул, Стив выпрямился и улыбнулся.

– Извини, он дегенерат. Ну так?

Я всё ещё глядел на машину.

Я посмотрел на Стива. Он смотрел на меня с любопытством.

Я покачал головой.

Стив пожал плечами и сел в машину. Дверь закрылась, и машина сорвалась с места. Её круглые задние огни светились как глаза дракона, задние колёса скрипели.

Ещё несколько минут было слышно, как рычит её двигатель, раздирая тишину долины.

Глава 10. Овца

Я не знал, что тьма может подобраться так близко. Дотянуться до самого лица, прикоснуться к нему. Сжать виски. Закрыть рот. Задушить.

В свете фонаря лес был похож на туннель. Вокруг стояла полная тишина.

Я шёл, притворяясь, что не боюсь.

* * *

В субботу я проснулся от скрежета когтей.

Я сполз с кровати, подошёл к окну и выглянул.

Бабушка убирала листья граблями. Я полностью раздвинул занавески, она подняла голову. Мы уставились друг на друга. Вскоре она вернулась к своему занятию.

Я съел быстрый завтрак и вышел наружу. Вершина горы пряталась за медленно ползущим серым облаком. Бабушка сгребала листья в небольшие кучки.

Дома у нас был симпатичный сад. Мама любила за ним ухаживать.

– Тебе помочь? – спросил я бабушку.

– Можешь привезти тачку, – она кивнула на сарай.

Сарай был обителью хаоса. В полумраке таились газонокосилка, вёдра с краской, кипы газет, поленница и прислонённый к столу ржавый велосипед. К стене привалилась тачка. Я поставил её на колесо и протолкнул через беспорядок.

Мы работали молча. Бабушка сгребала влажные листья, а я закидывал их в тачку и свозил в компостную кучу. Внезапно бабушка выпрямилась, схватилась за бедро и выгнула спину. Я почувствовал укол страха. Через несколько секунд она продолжила работу. Теперь она выглядела ещё старше.

– Тебе точно стоит этим заниматься? – спросил я.

– Почему нет?

– Вдруг тебе тяжело.

Она засмеялась и продолжила сгребать листья. Удивительно, как она похожа на маму, когда смеётся. Я отвернулся.

Гора решила сменить свои цвета: папоротник стал тёмно-коричневым, трава серо-зелёной, гранит – чёрным. Над деревьями я видел белую воду, которая издавала холодный ровный шум. Ещё я видел дорожку. Вероятно, она отходила от главной дороги.

– Куда она ведёт?

Бабушка смотрела хмуро. Сначала она даже не поняла, о чём я говорю.

– К холмам, – сказала наконец она. – И к ферме Бенедиктов.

Она продолжала сгребать листья.

– Что ты думаешь о волке? – спросил я.

– Я же говорила, это чушь.

– Но тот фермер в неё верит.

– Нет никаких волков, – сказала она, глядя на меня как на идиота. – Их не было здесь уже сотни лет.

– А что, если были?

– Ты фантазер, как твоя мать.

Я покраснел. Чтобы скрыть это, пришлось сесть и долго собирать листья по одному.

Грабли брякнули. Я поднял голову и увидел, что бабушка согнулась чуть ли не пополам.

– Бабушка?

Она не двигалась.

– Бабушка? – я подошёл поближе, и, не дождавшись ответа, положил ей руку на плечо.

– Я в порядке! – она отбросила мою руку.

Немного постояв так, она распрямилась, поморщилась и, схватившись за живот, ушла в дом. Через окно в кухне я смотрел, как она наливает себе стакан воды и уходит из поля зрения. Гладкая птичка мышиного цвета подлетела к коттеджу, спряталась под крышей, вылезла и снова улетела. Я не видел бабушку. Птичка вернулась и скрылась в дыре, где у неё, видимо, было гнездо. Я пошёл проверить, что с бабушкой.

– Ба-аб! – позвал я.

В коттедже было тихо.

Я спешно обошёл дом и увидел её в гостиной. Она полулежала в кресле с закрытыми глазами и поникшей головой. Морщинистая рука покоилась на коленях.

Она была мертва, я так и знал. Но вдруг её грудь поднялась и опустилась, а во рту её что-то как будто щёлкнуло, когда она вздохнула. Прямо как мама, когда та спала.

Когда ты умираешь, твоё тело больше не издаёт звуки. Ты всё теряешь. Даже вещи принимают это как должное. Например, сон.

Я снова вышел и обогнул дом снаружи.

По дороге струилась вода. С деревьев капало. Я пересёк подъездную дорожку и пошёл по дороге до того места, где она начинала подниматься вверх. Ветра не было. Я слышал только бурление воды в канаве и далёкий рёв потока.

Вскоре асфальт сменился травой. Через несколько минут я остановился. Я уже поднялся довольно высоко. Подо мной был лес, в котором прятался покрытый тёмным шифером коттедж. Где-то за деревьями бежала главная дорога. С одной её стороны была деревня, с другой – озеро. Я поднялся так высоко, что видел подножья гор на дальней стороне долины. Повернувшись, я отправился дальше. У края дороги стояли лохматые чёрные овцы. С их шерсти свисали комки грязи и навоза. Они были смелее обычных овец. Меня преследовали их подозрительные взгляды.

Дорога упёрлась в каменную стену с приставленной к ней деревянной лестницей. Шум воды усилился и был похож на шум водопада. Слева, где-то в миле от меня, стоял дом – видимо, ферма Бенедиктов. К ней из долины вела крутая дорога, но я не увидел, как до неё добраться отсюда. Каменистая тропинка за стеной вела наверх, внутрь облака.

Я взобрался по лестнице на стену и слез с другой стороны по другой лестнице. По влажной траве я добрался до потока, который срывался с утёса в чёрное озерцо. Тонкие голые деревья стояли по его краям. Из озерца поток торопливо бежал дальше.

Несколько минут я смотрел на водопад, но потом вернулся на тропинку. Чем выше я восходил по ней, тем холоднее становился воздух. Когда я вошёл в облако, свет внезапно померк. Обернувшись, я уже не мог разглядеть ничего дальше двадцати ярдов.

Начал падать снег. Снежинки легко ложились на мою куртку. Впереди стояли несколько чёрных овец. Когда я приблизился к ним, они отошли на безопасное расстояние. Кроме одной. Она лежала очень странно, и снег падал на неё.

Подойдя ближе, я заметил, что её шерсть была скорее тёмно-коричневой, чем чёрной, а на шее багровела отметина. Наверное, её поставил фермер, чтобы обозначить, что это его овца. Мне показалось, будто она спит. Или, может, больна. Я поискал палку, чтобы ткнуть её, но не нашёл. Поэтому я просто кинул в неё своим белым камнем.

Камень упал на овцу и скатился на землю, но она не шелохнулась. Её рот был распахнут. Жёлтые глаза остекленели. Несколько секунд я просто смотрел, потом поднял мой камень с земли. На шее багровела не метка, а кровь. Овца была мертва.

Снег медленно покрывал её лохматую шкуру.

– Эй!

Я резко развернулся.

По снегу ко мне быстро приближался длинноволосый мужчина. Я развернулся, чтобы убежать, но споткнулся об овцу и упал. Пытаясь встать, я проехался ладонью по её мокрой шкуре.

– Ты чо с ней сделал?

Я побежал.

– А ну вернись!

Я сбежал в туман. Минуту спустя оглянулся, но погони не увидел. Тогда я остановился. Воздух был ледяным. Я сложил руки, чтобы подуть на пальцы, и увидел овечью кровь. Снег падал на мои ладони и таял, смывая её.

Я присел и вытер руку о траву.

В тумане, совсем рядом, вырос силуэт. Я не двигался, даже когда он изменил направление и пошёл в мою сторону. А потом из тумана вынырнул он: большой пастуший пёс с белым пятном на глазу. Он двигался быстро. А я не мог двигаться, мог только смотреть. Тут я понял, что нужно что-то делать, иначе мне конец. Я встал и поднял руку, чтобы метнуть в пса камень. Пёс замер.

Я резко замахнулся, будто бы для броска, и пёс отскочил, но потом подпрыгнул вверх и гавкнул.

Я отступал, но он бегал вокруг и лаял, отрезая мне путь к отступлению, заставляя отходить в другую сторону. Он наступал, я отходил, пытаясь спуститься с горы.

Из тумана появился мужчина. Он замер, внимательно изучая происходящее, затем подошёл ко мне и, прежде чем я успел бросить в него камень, схватил меня за запястье так сильно, будто пальцы его были раскалёнными клещами.

– Полька! – рявкнул он.

Пёс замолчал.

У мужчины было лицо покойника в залитых водой очках.

– Чо ты сделал с моей овцой?

– Отпустите!

– Не тупи, парень! – сказал он, но отпустил меня.

Я побежал.

Но он рванул меня за воротник и схватил за горло. Пёс лаял как бешеный.

– Прекрати!

Я прекратил сопротивляться. Пёс прекратил лаять. Снег падал. Мужчина рассматривал меня. Потом, будто бы решив, что я не стою его хлопот, оттолкнул.

Я прокашлялся и потёр шею там, куда особенно больно упирался его палец.

– Я вас засужу за нападение! – сказал я.

– Прочь, – шепнул он так строго, что я сделал шаг назад. Но когда его пёс скрылся в тумане, я понял, что это мужчина сказал ему.

– Тебе стоит спуститься с холмов вниз, – сказал он мне, – если не хочешь, чтобы с тобой сделали то же, что с овцой.

– Я не трогал вашу чёртову овцу.

Я думал, он хочет меня ударить, но он отмахнулся и ушёл вслед за псом.

– Ненормальный! – крикнул я.

Он исчез в облаке. Я потёр горло и пошёл вниз. Мужчина что-то крикнул, но когда я обернулся, его не было видно. Только из тумана раздавался голос:

– Тут волк ходит, ясно?

Я предложил ему пойти насладиться обществом его овец, но не совсем этими словами.

* * *

Когда я вышел из облака, скрывавшего гору, воздух стал теплее. Всё произошедшее в нём казалось сном. Я обернулся и посмотрел туда ещё раз.

В коттедже бабушка разжигала камин, сминая газеты и засовывая их в решётку. Она бросила на меня взгляд через плечо, увидела, что я мокрый и грязный, и вернулась к своему занятию.

Выражение на её лице было таким пренебрежительным, что я даже не стал спрашивать, стало ли ей лучше. Я просто поднялся наверх, чтобы переодеться.

Мамина старая комната. Выветрившиеся духи. Потёртый ковёр. Мама была ещё совсем молодой, когда жила здесь. После того, как бабушка и её муж, мой дедушка, развелись.

– Я пойду прогуляюсь, – сказал я, быстро спускаясь. Натянув школьные ботинки, я хлопнул передней дверью.

Глава 11. Дебс

Деревня кишела туристами в ярких куртках и модных ботинках. Возле магазина велосипедов продавец что-то поправлял в своём товаре. Я стоял и смотрел на него, жалея, что не смог привезти свой велосипед сюда. В этот момент я заметил Стива Скотта и его вечно хнычущего подпевалу Алекса.

Какой-то автобус подъехал и остановился прямо возле меня, со вздохом открыв двери.

Алекс заметил меня и что-то сказал Стиву, тот повернулся в мою сторону. Я собирался ему кивнуть, но от его ухмылки меня охватил ужас, буквально в последний момент я вскочил в автобус. Двери закрылись. Я смотрел, как Стив и Алекс спешат ко мне, петляя между туристами. Автобус тронулся, они побежали. Нагнав его, Стив успел только хлопнуть по окну. Лицо его перекосил совершенно звериный оскал, но водитель не остановился.

* * *

Мы ехали по долине. Езда вернула воспоминания: серый волк посреди дороги, удар. Я вцепился в поручень на спинке сидения передо мной и закрыл глаза. Когда я их открыл, из-за угла на нас выезжала машина. Я остолбенел. Машина просвистела мимо. Я попытался сконцентрироваться на разговоре двух старух. Они говорили об овце, убитой на холмах.

– Собака какого-нибудь туриста, мне кажется, – сказала одна из них.

Автобус остановился в Кендале около станции. Я вышел на платформу и сел на скамейку. Небо было огромным и простиралось далеко над круглыми холмами. Мирный пейзаж помог, я начал успокаиваться. На платформе было всего несколько человек. Первый поезд шёл в Карлайл. Остальные пункты назначения тоже звучали неплохо: Ланкастер, Оксенхолм, Манчестер. Я представил, как сбегаю в одно из этих мест. Подальше отсюда, от проклятых машин и автобусов, школы, волка. Потом я подумал, чем бы я мог заняться, сбежав, и понял, что заняться было особо нечем. Поэтому я встал со скамейки и отправился в город.

В Кендале было несколько мощёных улиц, речка, закрытые магазины. Парни, которые учились со мной в одной параллели, собрались тесной кучкой возле игрового центра. Проходя мимо, я чувствовал на себе их взгляды. Здесь было так же плохо, как в школе, и я решил спрятаться в библиотеке. По крайней мере, там спокойно. Я сел в справочном отделе, поднял голову и уставился на старомодную стеклянную крышу.

Мама водила меня в детстве в городскую библиотеку. Там был большой деревянный корабль с мягкими скамейками. Мама любила читать. Папа любил гулять. Иногда по субботам он брал меня с собой на работу. Он осматривал растения и показывал мне разные вещи: упавший дуб, который дал новый побег и возродился к жизни, точно птица Феникс, сгнивший бук, весь заросший

грибами. Если подумать, маме и папе гораздо хуже, чем мне. Они потеряли больше – свои жизни. А я всего лишь потерял их.

Я задумался о том, можно ли, умерев, почувствовать утрату собственной жизни. Или вообще хоть что-нибудь почувствовать. Или это просто конец, тебя больше не существует.

Я выпрямился.

Школьник склонился над заметками, потрёпанный человек читал газету. Оба были поглощены своими занятиями. Я прошёлся вдоль полок, добрался до отдела дикой природы и вытащил книгу про лес. Изображения больших деревьев. Это как раз то, с чем работал папа. Я почувствовал ком в горле и был готов расплакаться, но сдержался. И тут я увидел на корешке другой книги название. Волки. Я подумал о звере посреди дороги, и одна часть меня порывалась сбежать отсюда прямо сейчас и бежать так далеко, как это возможно. Но другая часть – хотела встретить этого зверя и убить его. Поэтому я, чувствуя, как колотится моё сердце, протянул руку, положил большой палец на книгу и стянул её с полки. На обложке были изображены два волка – серый и белый. Корешок скрипнул, когда я открыл книгу. Волчья стая в глубоком снегу. Волк плавает в озере. Волк ест добычу.

Чего хочет волк?

Я захлопнул книгу и понёс её к стойке.

– Билет, пожалуйста, – сказала библиотекарша.

Я смотрел на неё.

– Пожалуйста, дайте ваш читательский билет.

– У меня его нет.

Она беспомощно развела руками.

– Похоже, тебе не везёт с библиотеками, – сказал кто-то.

Обернувшись, я увидел Дебс. Только теперь в её носу был пирсинг, в ушах серьги, а на глазах – кривая подводка. Ещё на ней было ожерелье из ботиночных шнурков, длинный дождевик поверх чёрной футболки и драные чёрные джинсы. Она походила на помесь гота, панка и бомжа. Её дыхание пахло перечной мятой и сигаретами, а челюсть ходила туда-сюда, жуя жвачку.

Она забрала у меня книгу про волков и протянула библиотекарю вместе со своим билетом.

– Вы не можете выписать книгу для него, – сказала библиотекарша.

– Я и не собиралась. Мне очень нравятся, – она прочитала обложку, – волки.

Библиотекарша поджала губы, почти готовая спорить, но всё же выдала книгу.

– Спасибо большое, – сказала Дебс, мило, но саркастично кивнула и вышла.

Я отправился за ней.

Книга ударила меня в грудь, и мне пришлось схватить её, чтобы не уронить. Дебс шагала, не замедляясь.

Я не знал, идти мне за ней или нет, так что просто крикнул ей вслед: «Спасибо!» Но получилось слишком громко, и единственное, что я получил в ответ от Дебс – это поднятую руку с зажатым кулаком и выпрямленным средним пальцем.

Она определённо была странной.

Я бесцельно бродил по улицам, пока не наткнулся на какую-то забегаловку, где и решил почитать мою книгу, и в которой за столиком сидела единственная клиентка. Дебс, в наушниках и с книжкой.

Несколько секунд я раздумывал, не уйти ли мне. Всё равно она меня пока не видела. А потом я подумал: с какой стати? Ожидая, когда мне подадут мой напиток, я смотрел, как она читает. Но даже если она заучка, всё равно она помогла мне.

– Хей, – сказал я, подходя к её столику.

Она подняла глаза и угрюмо уставилась на меня из-под чёлки.

– Почему ты взяла для меня эту книжку? – спросил я.

Она смотрела мне в глаза.

Я повторил вопрос.

Она уткнулась взглядом в свою.

Я сорвал обёртку с трубочки, пробил ею крышку стакана, уселся напротив Дебс и открыл «Волков».

– Что ты, позволь узнать, делаешь? – спросила она, выпрямляясь на стуле и выдёргивая наушники.

– То же, что и ты. Как тебе… Сильвия Плат[11 - Сильвия Плат (1932-1963) – американская поэтесса и прозаик, преимущественно работавшая в жанре исповедальной поэзии.]?

– Я разрешала тебе подсаживаться?

– Почему ты взяла мне книжку?

Дебс открыла рот так широко, что я увидел посеревшую жвачку. А потом начала жевать с открытым ртом. При этом она смотрела мне в глаза, будто бы подначивая меня сделать ей замечание.

– Почему? – настойчиво повторил я, игнорируя её жевание.

– Потому что мне не нравятся, когда люди говорят другим, что им можно, а что нельзя. Как эта библиотекарша. Теперь можешь идти.

Я улыбнулся. Это, похоже, её раздражало, поэтому она надела наушники, увеличила громкость и вернулась к Сильвии Плат.

– Меня зовут Люк, – сказал я.

Она перелистнула страницу.

– А тебя?

Она не отрывалась от книги.

– Как тебе Сильвия Плат, интересно?

Она не ответила. Я отхлебнул напиток и поставил его на стол, наклонился вперёд и выдернул наушники из её ушей. Она подскочила, будто током ужаленная. Её глаза вспыхнули, лицо вытянулось. Заметив мой стакан, она схватила его и держала так, будто собиралась бросить в меня.

Я прикрылся своей книгой.

– Брось, иначе книге тоже достанется. Она в твоём читательском билете, так что штраф будет на тебе.

Она взвесила стакан, будто принимала решение и крепко сжала губы. Глазами она метала искры так, будто собиралась взорвать здесь всё вокруг.

Но внезапно она, пожав плечами, поставила мой стакан обратно на стол и, плюхнувшись на место, вернулась к Сильвии Плат.

– О чём она пишет? – спросил я.

– Ты не поймёшь.

– Ну давай, расскажи.

– Это про боль. И страдание.

– Так вот что тебе нравится?

– А тебе что нравится, Люк?

– Так ты запомнила моё имя?

– Что тебе надо?

Я окинул взглядом забегаловку, потом её.

– Как тебя зовут?

Она не ответила. Я отхлебнул.

– Дебс, – сказала она. Потом, помолчав, добавила: – Так почему ты перешёл в нашу школу?

– Мои родители умерли и я переехал к бабушке.

Сначала она ничего не ответила, только внимательно рассматривала меня.

– Какая у тебя бабушка? – спросила наконец она.

– Немного асоциальная.

– А ты в неё пошёл, что ли? – спросила она.

– И это ты мне говоришь?

Она проигнорировала мою поддёвку.

– А зачем тебе нужна эта книга про волков?

Я отхлебнул из стакана.

– В горах волк убивает овец.

Это её почему-то удивило.

– Все говорят, что это бешеная собака, – осторожно сказала она.

– Это волк.

Казалось, она задумалась. Атмосфера немного изменилась и стала менее напряжённой. Она вернулась к своей книге, а я открыл свою.

– Что ты слушаешь? – спросил я, погодя.

– The Young Savages.

– Можно я послушаю?

– Нет.

– Ну давай.

Она протянула мне один наушник, я вставил его в ухо. Жуткий визг. Я отдал наушник. Она внимательно посмотрела на меня и усмехнулась. Как мне показалось – с презрением.

– Ну, – сказала она, вставая и протягивая руку, – мне пора.

Я пожал её, хоть это и выглядело очень официально, будто мы сидели с ней не в кафе, а на деловых переговорах.

– Пока, Дебс, – сказал я.

– Пока, Люк, – сказала она одновременно равнодушно и озадаченно.

Глава 12. Стекло

До деревни я добрался уже на закате. К дому шёл опять по дороге. Машины неслись мимо, сверкая фарами. Несколько золотых солнечных лучей ещё падали на долину, но в лесу было уже темно. Я решил пройти лес как можно быстрее, не позволяя ему снова напугать меня. Но очутившись в его глубокой тишине, я снова ощутил её тяжесть. Держи темп, говорил я себе, держи темп.

Папа всегда чувствовал себя в безопасности в лесу, но мне было страшно. Пластиковая обложка на твёрдом переплёте книги громко шуршала об мою ногу. Я миновал забор коттеджа и пересёк подъездную дорожку.

Бабушкиной машины там не оказалось.

– Привет! – крикнул я, входя в дом.

В коттедже было тихо.

Я включил центральное отопление и начал вычищать из камина вчерашнюю золу, представляя бабушку, которая опять клевала носом за рулём. Я крепко зажмурился и когда открыл глаза, то подумал, что пепел на каминной решётке пропитан одиночеством. Я направился в холл, чтобы позвонить бабушке, но едва начал набирать номер, послышался какой-то звук.

Я замер.

Положил трубку. Вошёл в кухню. Закрутил кран на случай, если это он.

Тук.

Какое-то время я прислушивался, но было тихо. Я прокрался из кухни в холл, где из корзины у входной двери вытянул дубинку.

Тук.

Я замер.

Звук раздавался из кабинета.

Я шёл по коридору, едва дыша и держа дубинку наготове. Где-то с полминуты я стоял у двери и слушал. Потом шагнул вперёд и открыл её. Она распахнулась, я зашёл. Слабый луч солнца упал на стену. Синяя бабочка пролетела через комнату и ударилась о стекло. Тук. Несколько секунд я стоял и смотрел, как она стучится в стекло. Потом я поставил дубинку и подошёл ближе. Бабочка села на стекло, складывая и расставляя крылья. Я попытался поймать её сложенными лодочкой руками, но она выпорхнула и снова села на стекло. Я открыл окно. Бабочка улетела в холодный закат. Лёгкий ветерок пошевелил бумаги на письменном столе. Листья на подъездной дорожке шуршали. Я запер окно. На бабушкиных бумагах лежал толстый конверт. В свете уже почти зашедшего солнца я прочитал написанное на нём от руки имя.

Рейчел.

Мамино имя.

Конверт был распечатан, внутри оказалось много разных бумаг.

Гравий на подъездной дорожке зашуршал, на пару секунд кабинет осветился фарами.

Я поспешно вышел. Появилась бабушка и начала раскладывать покупки. Она молчала. Прошла мимо меня и выключила отопление. Разложила покупки, взяла упаковку фарша и воткнула в неё длинный нож. Упаковка громко хлопнула. Бабушка повернулась ко мне. Я чувствовал, что должен что-то сказать, только не знал, что.

Она отвернулась, достала огромную сковороду, брякнула её на плиту и вытряхнула туда фарш. Фарш начал шипеть, а бабушка начала резать его на части.

– Я сказала тебе не входить в мой кабинет.

Я хотел знать, почему она никогда не говорила о маме.

Хотел спросить её, но не смог. И тогда я пошёл наверх.

Глава 13. Автобус

Раннее утро. В доме всё ещё темно и тихо. Деревья снаружи тоже замерли во тьме, будто бы собираясь начать двигаться с первым светом. Я быстро оделся. Ноги быстро замёрзли на тонком ковре. Я включил лампу на тумбочке, поморщился от света. Почистил зубы, сполоснул лицо. Горячую воду не включал: бойлер был рядом с бабушкиной комнатой и сильно шумел. К тому же бабушка сказала, что нам надо экономить. Мне это показалось странным: я думал, у юристов полно денег. Бабушка уже проснулась и читала какой-то скучный документ. Перед ней на столе стояла её зелёная кружка, из которой шёл пар. Она бросила на меня взгляд поверх очков. Я достал глубокую тарелку. Быстрый завтрак и четверть пинты молока уже стояли на столе. Я начал наливать.

– Оставь немного.

Я вылил всё молоко.

Я чувствовал её взгляд, хрустя завтраком. Она вернулась к документу, делала заметки карандашом на полях. Хлебала чай.

Я подумал о том, что не сделал домашку по математике.

– Я приготовила тебе сэндвичи.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ботинки марки Dr.Martens – высокие, шнурованные, на толстой рифленой подошве.

2

Следовательно (лат.)

3

Хрустящие хлебцы (от английского crisp).

4

Гейм-мастер – в словесных ролевых играх так обычно называют ведущего.

5

Роман американской писательницы Сильвии Плат о молодой девушке, пытающейся найти своё место в мире, где женщина – это в первую очередь мать и жена. Действие романа происходит в 1950-х годах в США.

6

Луперкаль – пещера, в которой, по преданию, волчица нашла и выкормила Рема и Ромула. Здесь имеется в виду одноимённое собрание сочинений Теда Хьюза.

7

Роман Джека Лондона о псе Баке, которого привозят из Калифорнии в Юкон (территория Канады) и заставляют работать ездовой собакой. Бак сталкивается с жестокостью природы, тяжёлой работой и враждебностью других собак.

8

В Англии из-за вырубки лесов и активной охоты волки были полностью истреблены ещё в начале XVI в. В честь этого события даже установили памятник. Последний волк в Шотландии был убит в 1680 г., в Ирландии – в 1710 г.

9

Вероятно, имеется в виду забастовка британских шахтёров 1984–85 годов.

10

7-Eleven – крупная сеть небольших магазинов.

11

Сильвия Плат (1932-1963) – американская поэтесса и прозаик, преимущественно работавшая в жанре исповедальной поэзии.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lambert_richard/doroga-volka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить